

Алексей Анатольевич Громыко –

доктор политических наук, заместитель
директора Института Европы РАН

Пространства Европы: фрагменты или части целого?

Тема европейской модели (точнее сказать – моделей) развития крайне объемная, написаны десятки и сотни книг, тысячи статей по различным ее аспектам. Речь идет о моделях политических, экономических, социальных, культурных, поведенческих, наконец. Европа в принципе может претендовать на свое органическое родство со всеми из них, на складывание таких моделей в той или иной форме, в тех или иных разновидностях исключительно в ее границах. Что способствовало этому? Прежде всего, конечно, «тирания географии». Мы живем в регионе, который далеко не самый большой в мире, а если брать Европу от Атлантики до Урала, то совсем небольшой по сравнению с другими пространствами земной поверхности. Центростремительным процессам способствует и наличие общей истории, общей памяти – того, что ковалось в головах, в генетическом коде европейцев в течение многих веков. В цивилизационных исследованиях, в цивилиографии Европа

есть множество интерпретаций этого понятия, но мало кто ставит под сомнение, что европейская цивилизация существовала, существует и очевидно, продолжит жить еще очень длительное время. Ее скорая гибель, закат предвидятся разве что в апокалиптических сценариях, имеющих мало общего с реальностью даже при всех тех трудностях с которыми Европа сталкивается последнее время. При всей концентрации на делах Европы не надо забывать, что большинство других регионов планеты предпочитают еще более сложные проблемы, чем Старому Свету.

Но нельзя не видеть и вполне вполне способные превратить экзистенциальные. Например, структуру Европы встроен э Вавилонской башни. Это многое, фрагментарность пространства мозаичность европейской ментальности. Есть европейские страны, которые не считают себя европейцами или где, по крайней мере, основная часть населения так считает. Возьмем Великобританию.

ражение традиционного островного менталитета, как в первом случае, или взгляда на мир тех, которые освоили огромные пространства — как во втором. В России по опросам общественного мнения более половины населения всегда с сомнением относилось к тезису, что наша страна — Европа, а ее граждане — европейцы. Помимо этого, есть страны, считающие себя в целом европейскими, но таковыми в действительности не являющиеся. Скажем, государства Закавказья или Израиль.

До середины XX века предпринималось несколько масштабных попыток по объединению Европы. Все они оказывались неудачными. Мы можем вспомнить и Римскую империю, и эпоху Наполеона, и попытки Третьего рейха. Несмотря на явные неудачи этих проектов, Европа существовала несколько веков в качестве и субъекта, и объекта мировой политики. Если взять страны, где многие с сомнением относятся к своей идентичности как европейской, — например, Россию или Британию, — то какой критерий способен прояснить реальное положение дел? Надо поехать в Китай, Австралию, Японию, Бразилию, в ЮАР и там спросить, какой части света принадлежит Россия? Кто такие россияне? Там вам скажут, что россияне — европейцы. Мы можем думать о себе все что угодно, но подавляющая часть мира видит Европу в тех границах, в которые она и помещена в большинстве цивилизационных исследований.

Несмотря на то, что образы Европы сложились в представлениях жителей нашей планеты очень давно, длительное время это были образы, вызывавшие мало симпатий. Причин тому множество. Здесь и колониальное прошлое нашего континента, и многочисленные войны, в ос-

Оноре Домье. Денди. 1871 год

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы, стал вновь возрождаться на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошел в силу и заявил свои права.

новном захватнически, которые европейцы вели во всех уголках земного шара. Апогеем такого агрессивного-экспансионистского развития Европы, олицетворением отталкивающей стороны ее образа, восприятия, безусловно, стали две мировые войны в первой половине XX века. И если до 1939 г. в международной политике преобладал европоцентризм, то после 1945 г. Европа (по крайней мере, ее западная и центральная части) ушла в тень двух сверхдержав — СССР и США.

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель

как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы как в самой Европе, так и за ее пределами, стал вновь возрождаться на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошел в силу и заявил свои права. Эта тенденция развивалась по восходящей до 2008 г. Но затем Европа в очередной раз столкнулась с серьезнейшими проблемами.

Если вернуться к опыту обеих мировых войн, то именно страх перед закатом Европы привел после 1945 г. к новой попытке объединения нашего

Насколько до сих пор в нашем сознании – и на западе, и на востоке Европы – главенствует принцип мышления «мы и они».

континента на качественно новых началах. С 1950-х годов началось конструирование «европейского нарратива», и к 1990-м годам этот процесс привел к формированию «европейской мечты» — некой системы ценностей эпохи Постмодерна. Квинтэссенцией этой системы ценностей стали такие принципы, как «пул суверенитетов», устойчивое развитие, принципы солидарности и «мягкой силы». Что касается социально-экономических моделей развития, которые возникли в рамках, во всяком случае, западной части Старого Света, много написано и сказано о таких их разновидностях, как скандинавская, англосаксонская, рейно-альпийская, южноевропейская модели. В целом за последние 20–30 лет сформировалось то, что мы называем социальной моделью развития Европы. Та самая модель, которая оказалась под сильным ударом в последние годы

в результате мирового финансового, экономического, а затем и политического кризисов. Сейчас мало кто помнит, в каких муках, сомнениях и противоречиях, противоборствах выработывалась новая европейская модель. Борьба шла не только вокруг конкретного наполнения таких проектов, как Совет Европы, Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество. Были и план Маршалла, и Европейское объединение экономического сотрудничества, и Европейская экономическая комиссия, в целом шла серьезная борьба — по крайней мере, до 1960-х годов — между сторонниками двух концептуальных подходов к западноевропейской модели интеграции — между федералистами и сторонниками межгосударственных связей. СССР в тот период превратился в сверхдержаву. Несмотря на то, что в стратегическом

плане Советский Союз, безусловно, тогда выиграл, он одновременно попал в ловушку собственной новоприобретенной глобальности. Москва делала ставку на межгосударственные организации под флагом ООН и пренебрегала вниманием ко многим формирующимся общеевропейским проектам, которые в 1950–1960-х годах свелись к сугубо западноевропейским. Но при этом надо помнить о том, что кроме процессов, приведших, в конце концов, к появлению современного Европейского союза, существовала и другая — восточная — модель интеграции, восточная альтернатива в виде того, что сейчас называют постсоветским пространством. Между прочим, вплоть до конца 1940-х годов было немало окон возможностей по созданию панъевропейских интеграционных проектов. Как и в отношении идеалистической «европейской мечты», можно с полным правом говорить о том, что существовала и идеалистическая «советская мечта», некая система ценностей в русле европейской просвещенческой парадигмы. Для обоих мегапроектов во второй половине XX века на западе и на востоке Европы исключительное значение имело представление о миссии. Оба проекта являлись, конечно, в первую очередь не экономическими, а политическими и идеологическими, и их миссионерская направленность была ярко выраженной. В значительной степени она сохраняется таковой — правда, в видоизмененных формах — и до сих пор. Что двигало западноевропейским интеграционным проектом? Что служило современным языком западноевропейской модели развития? Если брать 1950-е годы, то миссия состояла в том, чтобы примирить закоренелых врагов — Францию и Германию, —

Действительно серьезный вопрос — о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI века на фоне возникновения и взлета новых «рынков роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов.

В 1990-е годы у ЕС появилась новая стратегическая цель по интеграции в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы. Текущая миссия этого проекта – вовлечение балканских государств.

а затем вокруг них объединить другие крупные государства Западной Европы. Эта задача в принципе была решена благодаря волнам расширения европейского пространства в 1973 и 1995 годах. В 1980-е годы была сформулирована миссия по вовлечению в интеграционные процессы тех стран, которые до недавнего времени были тоталитарными или авторитарными, что и произошло благодаря расширению в 1981 г. (с присоединением к ЕС Греции) и в 1986 г. (с подключением Испании и Португалии). Наконец, в 1990-е годы появилась новая стратегическая цель по вовлечению в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы. Указанный проект состоялся в результате расширений 2004 и 2007 годов. Наконец, имеется и текущая миссия, находящаяся в стадии реализации в условиях, когда, казалось бы, западноевропейский проект практически достиг границ своего внешнего расширения. Это, конечно же, вовлечение балканских государств, начавшееся с присоединения Румынии и Болгарии в 2007 г., которое продолжится в 2013 г. после вступления в ЕС Хорватии. В обозримом будущем за ней последуют и некоторые другие страны Западных Балкан.

Надо сказать, что и в Восточной Европе, уже после крушения Советского Союза, интеграционные процессы на новой базе развивались не менее динамично. Можно перечислять многие структуры, созданные на развалинах СЭВ и ОВД: это и СНГ, и Союзное государство Беларуси и России, и ЕврАзЭС, и ОДКБ, и ШОС, и Таможенный союз, развивающийся в сторону Единого экономического пространства, а затем и Евразийского союза.

Вопрос в том, удастся ли в XXI веке то, что не смогли

сделать европейские страны после окончания Второй мировой войны. А именно – не разойтись по разным интеграционным квартирам, а создать Европу без разделительных линий, общее пространство от Лиссабона до Владивостока. Словом, выйти на панъевропейскую интеграционную модель. При этом надо сказать, что в последние годы привлекательность проекта Евросоюза во многом поблекла в результате тех проблем, с которыми эта часть европейского пространства сталкивается. Но и Россия как ядро постсоветского пространства также пока не превратилась в сильный магнит по привлечению «мозгов», денег, высококвалифицированных мигрантов из других частей Европы и мира в целом.

Действительно серьезный вопрос – о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI века. Это для нас ключевая проблема. Речь идет не только о возможной и вероятной утрате влияния Евросоюза и России, как и всех других ев-

ропейских стран в целом. По многим показателям и данным статистики Европа, очевидно, теряет свои позиции по сравнению с другими мировыми центрами силы на фоне возникновения и взлета новых «рынков роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов. Решение этой проблемы пока просматривается плохо.

Хорошо известно, насколько сложные отношения существуют в настоящее время между Россией и Евросоюзом. Насколько до сих пор в нашем сознании – и на западе, и на востоке Европы – главенствует принцип мышления «мы и они». Насколько до сих пор мало впечатляющих практических, реальных работ по созданию истинных интеграционных проектов, охватывающих запад и восток Старого Света. И все же верится в то, что таковые в недалеком будущем появятся. Императивы времени подталкивают к этому с неумолимой логикой. **Б**